

ИССЛЕДОВАНИЯ

В.И. МИХАЙЛЕНКО
Уральский университет

ЛУНА НА ФОНЕ МАРСА И ВЕНЕРЫ: РОССИЯ В СОВРЕМЕННОЙ ГЛОБАЛЬНОЙ ПОЛИТИКЕ

Новый «гуру» американской политологии Роберт Кейган в недавнем бестселлере «О рае и могуществе: Америка и Европа в новом мировом порядке»¹ сравнил США и Европу соответственно с Марсом и Венерой.

Под знаком Марса. По мнению Роберта Кейгана, после второй мировой войны и до настоящего времени политика США по защите западного мира основывается на военном могуществе. В то время как Европа (сначала Западная Европа, а ныне Европейский Союз) предпочитали дипломатические и экономические инструменты влияния в мировой политике. Кантовская идея вечного мира – это мировоззрение Европы, т.е. мир, где страны сосуществуют на основе непоколебимых, всеобщих этических принципов. Мир США, продолжает Р. Кейган, – это мир Гоббса, где каждая страна окружена потенциальными противниками, готовыми делать все ради своих эгоистических интересов. Сегодня по основным стратегическим вопросам американцы – с Марса, а европейцы – с Венеры. Поскольку мирового правительства нет, то каждый выступает за себя и сила является единственным способом обеспечения собственной безопасности. Из внешнеполитической программы республиканцев исчезли такие цели, как поддержание международных организаций, провозглашение этических и моральных принципов во внешней политике, поддержка международного права. Эти цели если и не игнорировались, то весьма демонстративно были отнесены к маргинальному кругу проблем. Новая «Стратегия национальной безопасности США», обнародованная 20 сентября 2002 г., стала прямым осуждением современного мирового правопорядка, который управляет международными отношениями со времен Вестфальского договора 1648 г. В документе говорится о том, что правительство США в одностороннем порядке определяет, какое государство представляет угрозу Америке или укрывает на своей территории группу, которая считается потенциальной угрозой. В этом случае Соединенные Штаты имеют право осуществить упреждающую акцию в этом государстве с целью устранения угрозы, если необходимо, путем «смены правящего режима». Таким образом, США, так много сделавшие в прошлом для создания международных организаций Лиги Наций и ООН, сегодня подрывают их роль как фактора международной стабильности и главенства международного права.

¹ Kagan R. Of Paradise and Power: America and Europe in the New World Order. N.Y., 2003. См. рец. А. Никонова в журнале «Россия в глобальной политике» (2003. № 3. С. 216-218).

Под знаком Венеры. Напротив, европейцы отказываются от части своего суверенитета в пользу международных организаций. Выделение Европейского Союза в качестве самостоятельной мировой фигуры признается многими исследователями. Например, А. Терентьев полагает, что ЕС является сегодня не национальным государством – Соединенными Штатами Европы, а вненациональным образованием, опирающимся на единую систему ценностей². Европейцы настаивают на том, что любые конфликты могут быть урегулированы дипломатическим путем, тогда как американцы в большей степени полагаются на свою военную силу. Огромный торгово-политический блок ощутил свою силу и не намеревается отдавать другим жизненно важные и прибыльные позиции. Совокупная экономическая мощь Западной Европы приближается к американским показателям, население ЕС – 380 млн. человек – на 40% больше американского, и тенденция преобладания по демографическому показателю сохранится на долгие годы. Общая торговля с внешним миром у ЕС примерно на 25% больше, чем у США. ЕС осуществляет безостановочную торговую экспансию. Заключив соглашения об ассоциации с 80 странами, он намерен увеличивать свою значимость как торгового блока, источника инвестиций, как мирового культурного центра. Формы противодействия гегемонии США определились: экономическая мощь, единая европейская валюта, конкурирующая с долларом, появление европейских зон влияния. Претендуя на роль второго полюса мира, Западная Европа стремится создать собственную военную промышленность, независимую от американской, и собственные вооруженные силы (Европейский корпус). Америка и Европа стоят на противоположных позициях по вопросам энергетики, антitrustовского законодательства, по поводу американских экономических санкций, либерализации мировой торговли. США ограничивают импорт стали, машинного оборудования из Германии, шерсти из Италии и Британии. Фактически между странами ЕС и Соединенными Штатами идет экономическая война. И не следует забывать, что экономическая война – это тоже война, – заключает А. Терентьев³.

В оценке европейско-американских гуманитарных разногласий важно понять, где проходит «линия разлома». Отметим только события начала XXI века. США выступили против многих европейских инициатив в ООН по правам человека. Они отклонили предложение о создании Международного уголовного суда, по инициативе европейцев США были исключены из Комиссии по правам человека и из Международного совета по контролю за наркотиками, не подписали Киотский протокол. Учреждение Военной комиссии США для суда над арабскими террористами противоречит принципам Всемирной декларации о правах человека, Европейской конвенции и даже минимальным требованиям Женевской конвенции 1949 г.

Таким образом, как справедливо отмечает А. Терентьев, США, не способны, «по крайней мере на данном этапе, воспринять европейскую модель демократического институционального мироустройства»⁴.

² Терентьев А. «Новый мировой порядок» США или европейское мироустройство? // Мировая экономика и международные отношения. 2003. № 7. С. 31.

³ Там же. С. 33.

⁴ Там же.

О новом миропорядке. Однако не стоит преувеличивать европейско-американские противоречия: Европа и США останутся стратегическими партнерами. Им принадлежит стратегическая инициатива в новом переустройстве мира на основе либерально-демократических ценностей. Выступая перед европейской аудиторией, президент США Дж. Буш заявил: «Мы с вами не просто принадлежим к одному альянсу. Мы принадлежим к одной цивилизации. Её ценности универсальны, и они уникальным образом пропитывают собой всю нашу историю и наше сотрудничество»⁵.

Если для европейцев либеральная демократия, верховенство международного права и права человека являются принципами нового мира, то для США – инструментами достижения мировой гегемонии. Тем не менее, атлантическим партнерам принадлежит стратегическая инициатива создания новой архитектуры мира. Даже, если имеются основания для упреков в либеральном радикализме, игнорировании региональной (национальной, религиозной и др.) специфики.

Российский политолог А. Богатуров предлагает дифференцировать понятия «международный порядок» и «мировой порядок». По его определению под первым, *международным порядком*, подразумевается система отношений между всеми странами мира. *Мировой порядок* формирует автономной частью мирового сообщества, упорядоченные отношения внутри которой определяются не только соотношением потенциалов стран-участников, но и наличием у них фонда общих этических, моральных ценностей и основанных на них устойчивых моделей взаимного поведения.

В оценках современного международного устройства доминируют несколько подходов. Один из последних апологетов многополярности Е. Примаков убежден, что, основной вектор развития направлен в сторону многополярного мира⁶. А. Богатуров предложил концепцию «плюралистической однополярности»⁷. Согласно идее «плюралистической однополярности», мир после распада биполярности не превратился в чисто американский мир, *Pax Americana*, потому что роль единственного полюса в нем заняли не одни Соединенные Штаты, а США в плотном окружении своих ближайших союзников в лице «группы семи». Члены этой группы, помимо самих США, хотя не обладали возможностями, сравнимыми с американскими, все же имели возможность умерять американские амбиции, немного менять их направление и влиять на поведение США в той мере, как это им удавалось в рамках плюрализма, не подкрепленного равенством возможностей⁸.

В 2000 году появилась и российская версия «глобального демократического мира» своего рода глобального *Pax Democratica*. Она акцентировала

⁵ Цит. По: Райс К. Полюс свободы и справедливости. Многополярность как теория соперничества // Россия в глобальной политике. 2003. № 3. С. 75.

⁶ Примаков Е. Мир без сверхдержав // Россия в глобальной политике. 2003. № 3. С. 84.

⁷ Богатуров А. Международный порядок в наступившем веке // Международные процессы. 2003. № 1. С.6-23.

⁸ Там же.

приверженность общим демократическим ценностям, благодаря которым достигалось единство «группового полюса».

В последнее время стал приобретать влияние *режимно-институциональный* (А.Салмин, Н.Косолапов) подход к анализу международного порядка. Он принял за отправную точку тезис о наступлении однополярного мира. Согласившись, что в условиях однополярности мир в известном смысле приобретает некоторые черты единого мирового протогосударства, управляемого из единого центра, они предложили исследовать этот мир через выявление природы этого правления, его форм, регулирующих механизмов, преобладающих режимов управления, правил и практик. При такой постановке проблемы в центр внимания исследователя должны были попасть вопросы «нового мирового строя» – феодального, демократического, либерального, соотношения между элементами демократизма и авторитарности, как если бы речь шла о порядке внутри одного общества⁹.

Переведем эти оценки на язык политических деятелей. Помощник Государственного секретаря США по национальной безопасности Кондолиза Райс заявляет: «Реальность же состоит в том, что многополярность никогда не была объединяющей идеей. Она представляла собой необходимое зло и поддерживала состояние без войны, но никогда не способствовала победе мира. Многополярность – это теория соперничества, теория конкурирующих интересов и – хуже того – конкурирующих ценностей... Если сила служит делу свободы, то это необходимо приветствовать, и державы, преданные делу свободы, могут – и должны – создать единый фронт против врагов свободы»¹⁰.

Несоответствие стран атлантическим стандартам, прежде всего, отсутствие в них прогресса, понимаемого как движение к либерально-демократическим ценностям, и развития (понимаемого как включение в процессы глобализации) является основанием для их перевода в категорию «неудавшихся государств».

С той же настойчивостью, с которой СССР в своей зоне влияния осуществлял социалистические преобразования в странах социалистической ориентации, США и их союзники дифференцируют государства на «прогрессивные» и «изгой».

Проходивший 22 марта 2002 г. в городе Монтеррей в Мексике в рамках ООН международный форум, посвященный финансовой помощи развивающимся странам, по сути дела, оформил новую доктрину отношений Запада со странами третьего мира, новую доктрину глобализации и общественного прогресса¹¹. Ее суть сводится к следующему: Запад осознает, что его собственная безопасность находится в зависимости от решения проблемы безнадежного отставания развивающихся стран. Новизна подходов заключается в признании очевидного факта, что глобализация автоматически не решила проблемы отставания развивающихся стран. Не оправдал возлагавшихся

⁹ Там же.

¹⁰ Райс К. Полюс свободы и справедливости. С.76-77.

¹¹ Федюкин И. Монтеррейский консенсус –

<http://www.polit.ru/documents/476633.html>. 25.03.2002:27.03.2002

ожиданий расчет на то, что в эпоху глобализации и свободной торговли, страны третьего мира могут и должны помочь самим себе, интегрируясь в мировую экономику – сначала производя дешевый ширпотреб, но постепенно поднимая уровень своей экономики и сложность производств. Такой подход предполагал открытие странами Запада своих рынков для дешевой продукции из развивающихся стран (причем речь шла о базовых и наиболее социально чувствительных отраслях – сельском хозяйстве, текстиле, черных металлах). Решив во всем полагаться на глобализацию, Запад сразу же столкнулся с фундаментальным противоречием между стремлениями добиться в развивающихся странах, с одной стороны, экономического прогресса, а с другой – прогресса социального. Дилемма была проста: либо на индонезийской фабрике швеям мало платят и заставляют их много работать в нарушении западных социальных стандартов, либо Индонезии навязывают западные стандарты прав человека, но в этом случае фабрика становится экономически нерентабельной. Стандартная теория объясняла это противоречие болезнью роста: когда-нибудь уровень экономического развития в Индонезии поднимется настолько, что неизбежно подтянет за собой социально-политические нормы и гарантии.

Кроме того, в конце XX века на Западе пришли к выводу, что прямая финансовая помощь развивающимся и догоняющим странам развращает народы и правительства. Особенность «монтеррейского консенсуса» заключается в том, что западные страны будут представлять финансовую и экономическую помощь только тем странам, в которых последовательно проводятся политические и экономические реформы либерально-демократического характера. Таким образом, именно *слабость государства* признается сегодня главным препятствием на пути экономического роста, и развивающимся странам настоятельно предлагается «укрепить властную вертикаль». Объявив государственность фундаментом международного развития, страны Запада приняли на себя довольно существенные обязательства – ибо коррумпированность и неэффективность того или иного режима не является более его внутренним делом.

После 11 сентября центральным в новой американской стратегии построения безопасного мира является понятие *неудавшихся государств* (failed states). Речь идет о странах вроде Афганистана, Сомали или Йемена, где государство распалось и не может поддерживать порядок, а потому становится источником терроризма, наркоторговли или незаконной миграции. В этом смысле пресловутые государства-изгои (rogue states) – это лишь одна из форм *неудавшихся государств*. По мнению британского министра иностранных дел Джека Стро появление таких государств было связано с неэффективностью Ялтинского мира, который абсолютизировал государственный суверенитет¹². Гипотетически можно было бы такие государства «закрыть».

Таким образом, Запад намеревается осуществлять комбинированные подходы к проблеме суверенитета: от жесткой интервенции с целью устранения «государства-изгоя» до «гуманитарных интервенций». Реконструировать

¹² Там же.

failed states можно только грубо нарушая их суверенитет, вводя на их территорию войска, навязывая им выборы и западную модель политического устройства. Более того, увязывая финансовую помощь с политическими реформами, Запад фактически не оставляет странам третьего мира выбора: в перспективе те из них, которые откажутся от таких реформ (а значит, и от финансовой помощи), будут объявлены *failed states*. Для разработки международных правовых норм новой международной практики предлагается ввести процедуру суверенного банкротства – по аналогии с банкротством разорившихся корпораций и возможность введения внешнего управления.

Если говорить о новых элементах в правилах поведения между государствами в международном порядке, то их, прежде всего, характеризуют право гуманитарной интервенции и нелегитимность авторитарных режимов. В течение последнего десятилетия группа влиятельных стран предпринимала попытки дополнить свод правил и принципов, на которых основывается международный порядок, за счет внедрения в него на правах общепризнанных норм трех новых регулирующих принципов – гуманитарной интервенции, «интервенции возмездия» (пенитенциарной интервенции), и превентивного вмешательства. Ни одно из трех этих нововведений сегодня не является в полной мере легитимным, но они оказывают практическое влияние на международные отношения¹³.

Таким образом, после распада биполярной системы, в основе которой шла борьба между двумя доминировавшими *мировыми порядками*, на рубеже 1980-х – 1990-х гг. победившая в холодной войне *либерально-демократическая идеология* превращается в системообразующую матрицу нового *международного порядка*. Мы не обсуждаем вопрос о том – хорошо это или плохо, а принимаем за существующую реальность, с которой ни одно правительство или политическая элита не может не считаться.

Внешние вызовы российской безопасности. В области международных отношений современная Россия имеет много проблем и мало ресурсов для их решения. С крахом социалистического мирового порядка Россия утратила *стратегическую инициативу* на мировой арене. В первой половине 1990-х гг. козыревская дипломатия пыталась выстроить внешнюю политику на основе *кондоминиума* (соуправления) миром вместе с Соединенными Штатами. После неудачи этой затеи была предпринята изначально обреченная на провал примаковская попытка инициировать *многополярность*.

Вступление России в антитеррористическую коалицию, казалось, вернуло российской дипломатии необходимую стратегическую стабильность и определенность. Посредством сближения с Западом Россия снова приблизилась к группе наиболее влиятельных стран. Но она выступает в роли партнера США только избирательно. По многим вопросам поддерживает Вашингтон, по некоторым дистанцируется от него, всякий раз при этом следя за тем, чтобы общий ход развития российско-американских отношений оставался в рамках партнерского вектора. Россия продолжает балансировать между участием в «восьмерке» и смещением на маргинальные позиции в мировом

¹³ Богатуров А. Международный порядок в наступившем веке

сообществе с неприятной перспективой оказаться в ряду «несостоявшихся государств».

В ситуации, когда главным инструментом международной политики становится финансовая помощь, а не военно-техническое сотрудничество, Россия в обозримом будущем окажется почти лишена шансов проводить самостоятельную политику в зонах своих интересов. Топливо-энергетическая зависимость – обоюдоострое оружие и не гарантирует долговременное преимущество стране-экспортеру.

Показателем утраты стратегической инициативы является то, что российская дипломатия в последние годы ассоциируется с поддержкой отвергнутых мировым сообществом политических режимов. Это относится не только к режимам Саддама Хусейна, Милошевича, Кастро, Ким Чен Ира, но и в ближайшем зарубежье российское руководство отдает предпочтение поддержке режимов, не имеющих долгосрочной перспективы. Москва практически не работает с политической оппозицией в странах СНГ.

Российское руководство и политическая элита должны осознавать, что принадлежность России к «восьмерке» налагает на нее повышенные обязательства на соответствие атлантическим демократическим стандартам. В целях обеспечения национальной безопасности им придется быть мудрее политических и экономических ожиданий массового общества, которое находится в плену добуржуазных представлений.

Главные вызовы России брошены со стороны неолиберальной демократии и глобализации. В открытом соревновании советское гипергосударство проиграло спор. И для того, чтобы продолжать настаивать на *державном* эксперименте, упорствовать в утверждении нелиберальных, традиционалистских ценностей и форм организации, надо обладать короткой исторической памятью.

Ученые и политики продолжают дискутировать на тему, какой должна быть российская стратегия догоняющего развития? Какими могут быть последствия вступления в ВТО? России еще предстоит пройти путь догоняющего развития. В этом смысле «запоздавая» новая индустриализация в условиях информационно-коммуникационной революции представляет собой гонку за лидером. Несмотря на очевидную разногласию в трактовке понятия глобализация вроде бы никто не оспаривает того, что она «изначально нацелена на максимизацию экономического, научно-технического и культурного взаимодействия различных стран независимо от их цивилизационной принадлежности, уровня развития и местоположения»¹⁴.

В последнее время исследователи все чаще подвергают критике неолиберальные рецепты динамизации догоняющих стран за счет раскрытия их экономик¹⁵. Сами лидеры техногенной цивилизации развивали свои экономики, опираясь на вдумчивую выборочную защиту некоторых отраслей до той

¹⁴ Эльянов А. Глобализация и догоняющее развитие//Мировая экономика и международные отношения. 2004. № 1. С.3.

¹⁵ Там же. С. 6.

поры, пока те не набирали достаточной силы для конкуренции с иностранными компаниями¹⁶.

Но кто может объяснить, почему разумный государственный протекционизм и усиление регулирующей роли государства должны находиться в противоречии с развитием институтов гражданского общества, утверждением прав человека и независимых СМИ? По итогам президентских 2004 г. выборов в России «Известия» сделали предположение о возможной реализации в России концепции «модернизации вместо демократизации»¹⁷. Исторический опыт опровергает вывод о том, что «сильное государство» есть «много государства». Например, максимально огосударствленный Советский Союз оказался «колоссом на глиняных ногах» и рухнул мгновенно. «История свидетельствует о том, что опыт разобщенного осуществления демократии и развития чаще всего заканчивается неудачно»¹⁸.

Взаимозависимость демократии и развития. Вышеприведенная цитата взята из Сводного доклада Международной группы по демократии и развитию (МГДР), созданной в 1998 г. под председательством бывшего Генерального секретаря ООН Бутроса Бутроса Гали. В состав МГДР вошли известные специалисты из многих стран. Одним из важнейших выводов группы было то, что «устойчивый характер справедливого развития тесно связан с демократией»¹⁹. «Демократия не может существовать без независимой судебной системы, институтов, гарантирующих свободу слова, и независимых средств информации»²⁰.

Формальными признаками демократии сейчас мало кого удивить. Недемократичные политические режимы научились мимикрировать, устанавливая политические квази-демократические институты и процедуры. Авторитетный «евроскептик» Ральф Дарендорф, исследуя влияние глобализации на внутривнутриполитические процессы, устанавливает «прямую связь между кризисом демократии и кризисом государства-нации»²¹. По его мнению, наличия формальных демократических институтов, обобщенных понятием «правовое государство», уже недостаточно для констатации демократического состояния или процесса. Индикаторами демократии могут стать казалось бы второстепенные признаки, например, готовность властной элиты к демократической смене власти²².

Под каким знаком быть России? Благодаря демократической трансформации России удалось занять достойное и благоприятное место внутри глобальной системы американских партнерств и сохранить привилегированные позиции в международных организациях. Союз с Западом позволил России положительно влиять на решение международных вопросов в ближнем и

¹⁶ Там же. С. 7.

¹⁷ <http://www.izvestia.ru/elections2004/article45248>

¹⁸ Бутрос Гали Б. Взаимозависимость демократии и развитие. Сводный доклад. ЮНЕСКО, 2003. С. 10.

¹⁹ Там же. С. 5.

²⁰ Там же. С. 7.

²¹ Dahrendorf R. Dopo la Democrazia. Roma, Bari: Laterza, 2001. P.7.

²² Ibidem. P.8.

дальнем зарубежье, которые без него ей было бы крайне трудно или даже невозможно. Об ограниченных возможностях или полной неэффективности иных, силовых или демаршевых, приемах российской дипломатии свидетельствуют многие примеры, но наиболее ярким из них является знаменитая «петля Примакова» над Атлантикой.

Действительно, Россию, как и многие другие страны, включая европейские, не устраивает гипертрофированная роль США в процессах принятия ключевых международных решений, из-за которой девальвируются мнения других государств, недоучитываются их интересы и потребности. Но для решения этой и иных проблем существуют неконфронтационные ресурсы, в том числе за счет кооперации с другими странами, для демократизации международного порядка и повышения роли России в его формировании и регулировании.

Для того чтобы выработать адекватное внешнеполитическое сопровождение стратегии национального возрождения, политическому классу необходимо избавиться от некоторых иллюзий, реалистически представлять себе положение страны в мире. Одна из главных внутренних проблем России с точки зрения отношений с внешним миром – незавершенность процесса осознания места страны в мире и неадекватность представлений об этом мире.

Прежде всего, мы проиграли внутри, не сумев выстроить стратегию экономического роста, политического и духовного возрождения. Не достигнуто понимание основной проблемы стратегического развития страны. Вместо того чтобы думать, как добиться экономического роста и невыпадения из мировой экономики, мы до сих пор спорим вокруг идеологии или теоретических моделей развития – либеральной или державной (этатистской). Вместо того чтобы осознать, что Россия стратегически выпадает из складывающейся в мире модели постиндустриального развития, обеспечивающей, как правило, ее участникам, даже второстепенным, рост благосостояния, мы дискутируем относительно «величия» и престижа страны. При этом страны, не применяющие к себе термин «великий», уверенно развиваются и давно обошли Россию (Германия, Япония, Италия, Канада, Южная Корея).

Черeda поражений России была отчасти запрограммирована неточным пониманием внешнего мира, неадекватным определением приоритетов, переоценкой ресурсов. Весьма вероятно, что, борясь за удержание каких-то прошлых, часто эфемерных, позиций, Россия упускала имевшиеся возможности. В любом случае российскому политическому классу, руководству страны нужно проанализировать уроки 1990-х гг., чтобы понять свои собственные интересы во внешнем мире, выработать реалистическую и активную политику по приспособлению к миру будущего, четко уяснить, какие позиции и интересы необходимо жестко отстаивать, а от каких все равно придется отказываться, чтобы не тратить бессмысленно политические и экономические ресурсы страны»²³.

²³ В этой оценке втор разделяет выводы творческого коллектива под руководством С. Караганова, которые были изложены в журнале «Современная Европа». См.: Российская внешняя политика перед вызовами XXI века // Современная Европа. 2000. № 2. С.72-96.

Сложилось впечатление об определенном кризисе самой политики. Внешне она представляла собой набор международных связей и совокупность тактических шагов, направленных на удержание ряда конкретных, но мало связанных между собой позиций, а также на поддержание образа России как великой державы – прежде всего внутри самой России.

Модель поведения по крупным вопросам была почти неизменной. Россия вначале не соглашалась, затем прибегала к жесткой риторике, потом все же соглашалась, выторговывая себе по большей части косметические уступки. Российская внешняя политика отстает от потребностей страны в новом мире, является излишне традиционалистской, не поспевает за новыми вызовами и главное – не обеспечивает в должной мере использование открывающихся возможностей.

Тревогу внушает не только непонимание значительной частью политического класса новых реальностей, но и его реакция на политику внешнего мира. Серия унижений привела к возникновению не только чувства обиды, но и ощущения «осажденной крепости», тотальной враждебности внешнего мира, особенно Запада. Во многом это результат общей неспособности руководства страны и политического класса в целом выработать и начать претворять в жизнь современную стратегию экономического развития и интеграции с внешним миром.

Признание трудностей, с которыми столкнулась страна на внешней арене, не означает, разумеется, поражения или призыва к тотальному отступлению, к пассивной дипломатии. Более того, все еще можно утверждать, что внешние условия развития России остаются в целом благоприятными. России пока никто не может и не хочет угрожать внешней агрессией или явным военно-политическим давлением. У нее нет явных крупных союзников, но нет и врагов. С крупнейшими государствами поддерживаются нормальные отношения. Пока Россию «отжимают», но не изолируют и не загоняют в угол. России нет нужды изматывать себя милитаризацией. Но ситуация может измениться, особенно если Россия будет продолжать слабеть. Пока у нас еще есть время для передышки. Остается открытым «окно возможностей», позволяющее положить начало выходу на новую парадигму внутреннего развития, взаимодействия и интеграции с внешней средой, которая отвечала бы новым вызовам и возможностям. Это окно может закрыться через несколько лет. Выживание и развитие страны зависят от того, сможет ли ее политический класс ответить на вызовы и возможности нового мира, адекватно оценить этот новый мир, в котором предстоит жить России²⁴. У России нет разумной альтернативы глобальному вовлечению в мировой процесс экономической интеграции. Неразумная – есть...

И на международном небосводе может появиться новый субъект со статусом, определенным крылатой пушкинской фразой: «как эта глупая луна на этом глупом небосклоне...»

²⁴ Там же.